

М. В. Болдуева

(научн. руководитель Н. П. Хрящева)

Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

«Бегун и корабль» М. Шишкина: воспоминания о друге как синтез жанровых стратегий

Аннотация. В статье рассматривается эссе М. Шишкина «Бегун и корабль» как синтез жанровых стратегий. В границах жанра эссе автор-герой пытается осознать Вл. Шарова как творца, и как участника «производства литературы», и как личность через свой собственный жизненный и писательский опыт. Это осознание строится как воспоминания о недавно умершем друге, которые перерастают в вопрошания к нему как писателю-пророку, структура которых строится по законам плача-причести. Данный жанр собирает в единое целое другие жанровые модификации.

Ключевые слова: М. Шишкин, социология литературы, эссе

В 2019 году издательство АСТ выпустило сборник эссе «Буква на снегу» М. Шишкина, посвященный знаковым для автора писателям. В аннотации использованы слова автора: «Я пишу о тех писателях, которые мне дороги и важны <...> Писатели становятся буквами, а буквы не знают смерти». Открывает эссе «Вальзер и Томцак» фраза: «Конечно же, он хотел и читателей, и признания. Он был писателем, а не святым» [Шишкин, 2019: 9]. Все произведения объединяет проблема становления писателя и как личности, и как деятеля литературного дела. В сборник вошли эссе: «Вальзер и Томцак», «Больше чем Джойс» и «Бегун и корабль».

В своей работе я исследую эссе «Бегун и корабль». Оно посвящено ушедшему из жизни другу М. Шишкина, писателю Вл. Шарову.

Литературовед А. Скотница, исследовав субъектные отношения в эссе «Бегун и корабль», отмечает, что текст выстроен как «обращение к умершему» [Скотница 2021: URL]. «В контексте прозы Шишкина разговор с покойными естественен: писатель убеждает читателя, что диалог с умершими возможен, а разделение на живых и мертвых условно, так как на самом деле границы между миром живых и потусторонним миром не существует». Идея о преодолении смерти словом является ведущей в творчестве Шишкина. Однако автор обращается к Шарову не только как к другу, но еще и как к человеку, который сам работает со словом.

А. Скотница подчеркивает, что эссе Шишкина – о писателе. «Шишкин рассуждает о том, как чужды и непонятны были произведения Шарова для его коллег и критиков, а сам писатель казался им сумасшедшим» [Скотница 2021: URL]. Действительно, в тексте Шаров противопоставлен литературному обществу: «как писатель *ты* был всю жизнь в литературном первобытном лесу одиночкой», «*ты* был для них всех чужаком», «*ты* со своими романами не мог существовать просто по законам физики» (курсив – М. Б.)). В то же время при чтении эссе возникает вопрос: почему же В. Шаров был не понят обществом? Чтобы ответить на него необходимо обратиться к жанровой структуре произведения.

В первую очередь текст представляет собой эссе. Он выстроен на автобиографическом материале. Автор пытается объяснить окружающий мир через призму собственного опыта,

своих ощущений и чувств. Форма эссе времен XX века предстает как «пространство рефлексии, становления смысла и его обращенности на себя самого, как размышление, становящееся литературой» [Зацепин 2010: URL].

Основой жанра эссе становится «вопрошание»: «Проблематизируя, вопрошая предмет, эссе проблематизирует само вопрошание – до каких пределов оно может простирается, активно приглашая читателя к соучастию» [Зацепин 2005: 83]. Отсюда возникает особая коммуникация между автором и читателем, когда читатель-интерпретатор формирует в своем сознании представление об особенностях мировосприятия эссеиста.

Вопрошая о роли писателя в обществе, мы окунаемся в воспоминания М. Шишкина, который транслирует их через послание к умершему. Автор погружает нас в события XX века, в книжные миры В. Шарова, выстроенные на исторической хронике: «По нашей стране в двадцатом веке пронесся ураган безумия. Сколько миллионов жизней он унес – никто никогда не сможет подсчитать. Для тебя этот ураган никогда не заканчивался – мы просто оказались в затихшем «глазе» этого циклона. Ты был специалистом по Смутному времени, и тебе было очевидно, что в России всегда Смута, которая лишь на время останавливается, чтобы отдышаться» [Шишкин 2019: 123].

Нам представляется возможным рассмотреть в эссе особую коммуникацию между писателями, несмотря на то, что они были близки. Мы будем опираться на предложенное французским социологом П. Бурдьё понятие «поле литературы», которое трактует литературу не как систему произведений или иерархию жанров, а как пространство отношений между участниками литературного производства и существующими институтами. Тексты писателей понимаются как проявления стратегий тех, кто действует в этом пространстве.

Само эссе М. Шишкина является манифестацией определенного авторского поведения, авторской стратегией, но в то же время, оно представляет собой текст о знаковом поведении другого автора – Вл. Шарова. Доминантные позиции в литературном поле представлены позиции конкурирующего автора, а сам сюжет эссе может быть прочитан как своего рода попытка перераспределения символической ценности.

Текст открывается с нестандартной для обращения или послания темы – темы дела жизни героя: «Мое первое впечатление от твоей прозы – гигантский оползень, земля уходит из-под ног, только скатываешься в пропасть не с куском берега, а со всей страной и историей». [Шишкин 2019: 119]. Автор задает огромный масштаб, пространство пропасти, соотносимое с понятием рубежа, порога. Далее «фокус» сужается до двух людей: «Мы познакомились на “четвергах”». Сколько лет прошло? Почти сорок?» [Шишкин 2019: там же].

Автор обращается к воспоминаниям, связанным с товарищем, истолковывает его взгляды на жизнь. В то же время, через воспоминания автор познает сам себя: «Наши корабли искали друг друга в океане лжи. Нам казалось, что трюмы набиты истиной. Истина была запрещена» [Шишкин 2019: 120]. Затем юношеский максимализм сменяется жестоким осознанием правды жизни: «Рано или поздно понимаешь: никакой сокроенной истины ни в каких словах нет, а корабль есть только один, огромный, без огней и команды, который всех нас одного за другим заберет с собой. Вот ты уже на борту» [Шишкин 2019: 121]. Рефлексия собственной личности возникает через обращение к умершему, элементы которого отсылают нас к фольклорному жанру плача-причети.

Эссе делится на десять частей, которые связаны с между собой темой размышлений над судьбой писателя. Первые семь «главок» рассказывают события, выстроенные в хронологическом порядке. Об этом можно судить по началу седьмой части: «Вот еще островок. Не по хронологии, а как вспомнилось» [Шишкин 2019: 155]. Далее хронологическая последовательность восстанавливается.

Каждая часть эссе имеет определенную структуру, в которую внедряются элементы причети. Обратим внимание на временную организацию фольклорного жанра: «Плач – это произведение о происходящем, его время – настоящее: настоящее художественное и настоящее реальное. <...> Но в плаче есть и рассказ: рассказ о том, как случилось то, что

происходит и что произойдет в будущем в результате случившегося» [Лихачев 1967: 246]. В соответствии с этим высказыванием, мы можем проанализировать время в эссе. Герой обращается к другу, которого уже нет в этом мире, но диалог происходит в настоящем: «Отсюда, с этого берега жизни, ты в том времени видишься мне совсем юнцом. Сколько тебе было? 27? 28? Долговязый, худой, улыбка до ушей, уйма рыжих немытых волос, дерзкая борода. Но тогдашнему мне – у нас девять лет разницы – ты казался библейским мудрым старцем. Ты и был им <...> «Ты был для них всех чужаком. Они не понимали, как с тобой обращаться. Ты вон какой вымахал, а они – литературные поплавки. Им снизу не видны были лычки на погонах, вот и растерялись» [Шишкин 2019: 119].

С помощью внедрения фольклорных элементов плача-причети, автор показывает в «художественном настоящем» сущность В. Шарова и проявляет его «настоящее реальное»: отчужденность от общества. Это отчетливо видно в противопоставлении «ты» – «они».

«Они» – это «интеллектуалы», «агенты»¹, члены литературного производства. По теории «литературного поля», родившейся в современном обществе массового потребления, писатель – лишь участник литературного дела. Он нарабатывает капитал: экономический или символический (престиж, имя и т.п.). Для рынка наиболее значим экономический капитал. Символический может конвертироваться в него, но это долгий процесс, потому что имя должно быть услышанным. Такой взгляд на писательское мастерство М. Шишкин раскрывает в цитате: «Тебя пытались засунуть на полку с историческими романами, привязывали тебя к диссертации, которую ты защитил по Смутному времени, а ты – историк будущего» [Шишкин 2019: 123]. Перед нами столкновение двух взглядов на роль писателя в обществе. С одной стороны, писатель – работник в литературном цеху. С другой стороны, писатель – учитель, пророк.

Личность Шарова приближена к некой святости. В портрете автор сравнивает его с «библейским мудрым старцем», а жена Ольга названа «добрым ангелом». Однако их быт исполнен злой иронии: «Ты сдавал отцовскую квартиру в писательском доме и снимал где-то» [Шишкин 2019: 129]. Автор подчеркивает связь писателя со своим родом, так как Шаров наследует дело отца. Далее мы увидим в цитате, что Шаров никак не мог механизировать труд писателя: «Ты видел, как он отчаянно переживал из-за того, что его корежила цензура, что он не мог писать так, как хотел. И для тебя литература была совершенно немыслима как профессия, он всей своей жизнью научил тебя писать исключительно для себя, свободно» [Шишкин 2019: 137].

Герой общается к личной переписке с Шаровым по e-mail, к данным им интервью. Так автор познает его философию, а вместе с тем и собственную. Он признается, что писатель писателя не сможет понять так, как это может сделать «свой читатель» (читатель ВЛ. Шарова): «У меня, к сожалению, не получается внятно выразить то, что пришло в голову, но, может, оно и к лучшему. Сам пишущий всегда – читатель-урод» [Шишкин 2019: 141].

В шестой части эссе описана встреча с французским историком литературы Жоржем Нива. Его образ снижен «буржуйским» смакованием блюд в ресторане: «Знаменитый профессор, живой кусок истории русской литературы, непосредственный участник жизненной драмы Пастернака, долго и с удовольствием переводил названия блюд в бесконечном меню и объяснял особенности их приготовления. Мне даже сперва показалось, что разговор о еде интересует француза больше, чем русская литература» [Шишкин 2019: 152].

Перед нами образ «агента», которому дана власть пускать в общество «имена» писателей. Для ВЛ. Шарова такого рода отношения кажутся продажными, оскорбительными: «Мне запомнилось, как Жорж на минуту вышел из-за стола, а ты сидел какое-то время

¹Бурдые П. Поле литературы [Электронный ресурс] // *Новое литературное обозрение*, №45, 2000, С. 22–87. URL: <http://bourdieu.name/content/pole-literatury> (дата обращения: 06. 04. 2022).

молча, глядя перед собой в тарелку, и вдруг сказал с горечью: “Чувствую себя как проститутка, которая хочет, чтобы ее купили”» [Шишкин, 2019: 153]. Творчество не было допущено к переводу, но далее в эпизоде будет видно, что «свой» читатель всегда найдется и без широкой огласки, и имя Шарова в тот момент стало «паролем посвященных».

В седьмой главе, которая дана «не по хронологии», зарождается идейный конфликт между писателями: «Я зачем-то спорил с тобой. Ты со мной – нет. Для тебя мои надежды были лишь одной из тысяч вер, которые делают нашу жизнь стоящей. Для тебя было самым важным, чтобы люди воспринимали мир не простым, а сложным» [Шишкин 2019: 158]. Далее автор-писатель окончательно отделится от Вл. Шарова: «Наша разница: мне для правдоподобия нужна правда, тебе достаточно воображения» [Шишкин 2019: 162].

Автор кропотливо анализирует личность Шарова в форме причети, погружается в его творчество через семейный план, показывает ощущения писателя «от бога» в мире власти и денег. Он делает вывод о том, какой же все-таки должна быть литература: «Тебе пытаются приписать какую-то «альтернативную историю». Альтернативная история – в их бесконечно меняющихся школьных учебниках, а не в твоих романах. Историческая наука в России уже столетия – инструмент сокрытия исторической правды. Значит, к истине остается идти не через «науку», а через поэзию» [Шишкин 2019: 168]. Для М. Шишкина настоящий писатель не принадлежит какому-то определенному времени, он находится в точке, где исторические события не разбиваются на множество взглядов и мнений, а сливаются в единый поток – в истинное знание. Соответственно, писатель не может умереть: он спасал истинные слова, а слова должны будут спасти его.

Автор вводит детальное описание развития болезни Вл. Шарова. Мотив смерти у М. Шишкина всегда граничит с мотивом рождения. В данном произведении физическая смерть В. Шарова приведет к его рождению в мире литературы. Во время болезни единственное, что позволяет писателю оставаться «живым» – мысли о романе: «Когда говорил об “Агамемноне”, ты возгорался, будто кто-то раздувал в тебе пламя, а когда речь заходила о врачах и обследованиях, затухал» [Шишкин 2019: 180].

Д. С. Лихачев писал, что завершается причеть думами о будущем¹. Так и в шишкинском эссе о воскрешении книг В. Шарова говорит цитата: «У тебя еще будет много переводов, не сомневаюсь. Ты только начинаешься» [Шишкин 2019: 182]. Окончательное преодоление смерти реализовано в финале: «Володя, до встречи!» [Шишкин 2019: 185]. По мысли М. Шишкина Вл. Шаров, как и все творцы, хотел славы и признания. Он был писателем, а не святым.

Отметим, что Шаров – романный писатель. Тенденция к упрощению литературы, массовом выпуске наблюдается уже долгое время. Сакральный статус писателя-пророка ослабевает, как и романное творчество, которое его представляет. Взгляд на искусство изменилось вместе с миром. По мысли автора писатель на данном этапе не сможет вырваться из новой системы, но он может преобразовать ее своим именем: «Выход здесь только один. Своими романами ты сумел создать себе своего русского читателя – так и переводчик должен суметь создать твоего читателя. Стать и бегуном, и кораблем. Русский чудовищный XX век, конечно, непереволим. Но переводимы и семья, и любовь, и смерть, и вера» [Шишкин 2019: 182].

Таким образом, фольклорные мотивы и принципы построения художественного мира вплетаются в шишкинское эссе. Эти вкрапления становятся базой для создания образа друга и образа писателя-пророка, учителя. Время причети позволило описать события литературной жизни XX века. Они, в свою очередь, показывают взаимосвязь литературы и социологии, акцентируя внимания на иной роли писателя в новой системе.

¹Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С.Лихачев; АН СССР. Ин-т рус.лит.(Пушкин.Дом); Отв.ред. В.П. Адрианова-Перец. – Л. : Наука, 1967. с. 249

Список литературы

Бурдые П. Поле литературы [Электронный ресурс] // *Новое литературное обозрение*, №45, 2000, С. 22-87. URL: <http://bourdieu.name/content/pole-literature> (дата обращения: 06.04.2022).

Зацепин К. А. Эссе: от философии к литературе [Электронный ресурс] // *Новое литературное обозрение*, №4, 2010, URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/4/esse-ot-filosofii-k-literature.html> (дата обращения: 06.04.2022).

Зацепин К. А. Жанровая форма эссе в параметрах художественного // *Вестник СамГУ* – 2005. – № 1 (35). – С. 77–80.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С.Лихачев; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв.ред. В. П. Адрианова-Перец. – Л. : Наука, 1967. 249 с.

Скотницка А. СУБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭССЕ МИХАИЛА ШИШКИНА О ПИСАТЕЛЯХ // *Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований*. 2021. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektnye-otnosheniya-v-esse-mihaila-shishkina-o-pisatelyah> (дата обращения: 06.04.2022).

Шишкин М. П. «Бегун и корабль» / М. П. Шишкин // *Буква на снегу: три эссе* / Михаил Шишкин. – М. : Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 184, [8] с.

Boldueva M. V. «Runner and Ship» by M. Shishkin: memories of a friend as a synthesis of genre strategies

Abstract. The article considers M. Shishkin's essay «Runner and Ship» as a synthesis of genre strategies. Within the boundaries of the essay genre, the author-hero tries to realize V. Sharov as a creator, and as a participant in the «production of literature», and as a person through his own life and writing experience. This awareness is built as memories of a recently deceased friend, which develop into questions to him as a writer-prophet, the structure of which is built according to the laws of crying-pricheti. This genre gathers other genre modifications into a single whole.

Keywords: M. Shishkin, Sociology of literature, essay

М. П. Шемякина

(научн. руководитель Н. П. Хрящева)

*Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия*

Эпистолярное толкование мифа об Электре в романе Вл. Шарова «Царство Агамемнона»

Аннотация. Цель данной работы – выявить эпистолярные жанры как систему, проявляющую реальную действительность XX века, и показать ее сущностный смысл посредством взаимосоотнесенности с древнегреческим мифом, который основан на истории микенского царя Агамемнона, поборника правды, и его дочери Электры. Фактология трагических событий недавнего века оказалась высвеченной глубиной мифа, что позволило Вл. Шарову показать в романе образ реального человека в реальной истории как истину.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, Электра, миф, Шаров, Царство Агамемнона

Письмо, благодаря своим особенностям, является одним из самых «свободных» текстовых жанров, который позволяет наиболее полно самовыразиться автору, обеспечивая коммуникацию адресата и адресанта: не только героя с героем, но и автора с читателем. Ту